

Открой сейчас Чу Вэй глаза, и он увидел бы, как стремительно обретает плоть силуэт Шифу. Теперь можно было различить и благородные черты его лица, и складки изящных одеяний.

Но юноша слишком выбился из сил. Единственное, чего ему хотелось — провалиться в глубокий сон и восстановить растраченную энергию.

Вглядываясь в безмятежное лицо спящего ученика, Хуа Жун тихо нахмурился.

Стоило ненадолго выпустить сорванца из виду, как тот умудрился сбежать один, да ещё в такую даль. Совсем страх потерял.

Хуа Жун занёс руку, собираясь растолкать мальчишку и устроить ему хорошую головомойку, но пальцы замерли в паре вершков от щеки Чу Вэя.

Юноша спал беспробудно. В неверном свете лампы его лицо казалось необычайно кротким, а бледная кожа словно светилась изнутри.

Чу Вэй хоть и не достиг ещё совершеннолетия, вытянулся знатно. Короткий диван оказался ему явно не по росту: юноше пришлось свернуться клубком, отчего он выглядел совсем неприкаянным и беззащитным.

Вся злость Хуа Жуна мгновенно испарилась. Так и не решившись наказать соню, он лишь едва ощутимо провел тыльной стороной ладони по его щеке — жест, больше похожий на нежную ласку, нежели на строгое прикосновение Шифу.

Почувствовав тепло, Чу Вэй что-то неразборчиво пробормотал, сквозь сон позвал:

— Шифу...

Он поудобнее устроился на подушке и засопел ещё слаще.

Взгляд Хуа Жуна потемнел. Он выпрямился, огляделся и, мановением руки притянув лежащий на соседнем кресле плед, бережно укрыл им ученика. В следующий миг силуэт мужчины растаял в воздухе.

Слова юного мастера заставили Чу Яна всерьёз задуматься. На его лице то и дело сменяли друг друга тень сомнения и страх.

Его приятель Хао-цзы после пережитого ужаса едва держался на ногах от усталости, поэтому

без лишних разговоров рухнул на соседний диван и тут же захрапел.

Лишь сам Чу Ян не смыкал глаз, лихорадочно соображая, кто же из его окружения жаждал его смерти.

Но не успел он прийти к какому-либо выводу, как лежавший под боком плед внезапно взмыл в воздух. От неожиданности парень едва не вскрикнул, решив, что мстительный призрак вернулся.

Однако покрывало лишь плавно опустилось поверх спящего мастера.

Чу Ян ошалело моргнул.

«Обалдеть... Великие люди велики во всем. Он даже во сне умудряется колдовать!»

Сон на тесном диване трудно было назвать полноценным отдыхом — спустя четыре часа Чу Вэй открыл глаза.

От долгого лежания в неудобной позе всё тело ломило. Попытавшись размять затекшие плечи, юноша обнаружил, что укрыт мягким пледом.

Он приподнял голову: Чу Ян с другом всё ещё спали без задних ног, навалившись друг на друга прямо в креслах.

Видимо, пережитый страх всё ещё давал о себе знать, и парни попросту побоялись расходиться по спальням, предпочтя остаться поближе к своему спасителю.

За окном брезжил рассвет. Солнце ещё не показалось из-за горизонта, но утренние сумерки уже рассеялись, позволяя разглядеть очертания мебели.

Стараясь не шуметь, Чу Вэй поднялся и решил ещё раз осмотреть весь дом с первого до последнего этажа.

Ещё накануне вечером он заметил очевидные изъяны в планировке коттеджа.

Дом был ориентирован строго по сторонам света — идеальное расположение, обеспечивающее свободную циркуляцию энергии от входа до самых дальних комнат. Однако на втором этаже, прямо возле спальни, выстроили глухую перегородку, напрочь перекрывающую естественный поток. Архитектурно это решение казалось изящным — стена плавно переходила в

декоративную нишу гостиной на верхнем ярусе, — но с точки зрения фэншуй выходило скверно. Подобные преграды неизбежно притягивали завистников, манили нечисть и перекрывали финансовые потоки.

В галерее на третьем этаже тоже крылась ловушка.

Стеллажи с антиквариатом тянулись вдоль трёх стен, а в самом центре высился изящный постамент для главного экспоната. Стоило Чу Вэю войти сюда вчера, как он сразу заметил: проклятая ваза стояла именно там, словно королева на троне. При таком расположении центральный предмет буквально высасывал благодатную энергетику из всех окружающих вещей. Это и напитало заточённую в сосуде тварь небывалой мощью.

Сама по себе неприкаянная душа вряд ли обладала бы такой свирепостью, но неудачная планировка дома превратила её в смертоносного монстра.

Напоследок Чу Вэй вышел на балкон.

Высота здесь была приличная — добрых метров десять до земли. Угоди вчера цветочный горшок точно в цель, Чу Ян уже давал бы показания предводителю преисподней.

Если верить хозяину коттеджа, поначалу дух вел себя смирно, лишь шумел по углам, и только недавно перешел к открытому нападению.

И дело здесь не только в возросшей силе призрака. Напрашивался иной, куда более мрачный вывод: избавиться от свидетеля жаждала не сама покойница, а тот, кто наслал её в этот дом.

Впрочем, чужие дразги и давние обиды Чу Вэя не касались.

Подобняв увядшую веточку, юноша примерился к ней, как к мечу, и плавно заскользил по балкону, выполняя обязательную утреннюю разминку.

Едва он закончил упражнения, со стороны лестницы донеслись шаги.

На балкон, потирая залёгшие под глазами глубокие тени, выбрался сонный Чу Ян.

Несмотря на короткий сон, выглядел парень на удивление бодрым: давящая, удушливая тяжесть, терзавшая его в этих стенах последние недели, бесследно испарилась.

— Мастер Чу, чего вы так рано вскочили?

Ещё вчера вечером Чу Ян втайне сомневался в способностях юного гостя, опасаясь, что

связался с обычным шарлатаном. Но ночные события быстро расставили всё по местам — перед ним стоял настоящий кудесник.

— Привычка, — лаконично отозвался Чу Вэй.

Немного помолчав, он всё же поведал хозяину о пагубном влиянии планировки дома.

Чу Ян хлопнул себя по лбу:

— Вот оно что! А я-то гадал, почему дела в фирме пошли наперекосяк, стоило мне сюда переехать. Оказывается, вон где собака зарыта! Премного благодарен, мастер, вы меня буквально из петли вытащили. Может, останетесь в городе ещё на пару дней? Я бы показал вам здешние красоты, угостил бы на славу, как полагается.

— Благодарю за приглашение, но не могу, — покачал головой юноша. — Мне нужно возвращаться к учёбе, я отпросился всего на два дня.

Уговоры не помогли. Поняв, что гостя не удержать, Чу Ян вздохнул и поспешил перевести оставшуюся часть обещанного гонорара.

Взглянув на экран телефона, Чу Вэй так и замер на месте. Сумма на счете превосходила все его ожидания.

— Зачем так много?

На эти деньги в его родной глухомани можно было безбедно жить до конца дней своих.

Заметив замешательство юноши, Чу Ян поспешно замахал руками, боясь, что тот потребует забрать излишек:

— Мастер, даже не думайте возражать! Вы спасли мне жизнь. Разве можно мерить её бумажками? Не окажись вас рядом, мне бы эти богатства на том свете точно негодились. Пожалуйста, примите их без лишней скромности.

Чу Вэй всё ещё сомневался. Особых усилий он не прикладывал, обычное дело для практикующего.

Но заказчик проявил редкое упрямство:

— Если откажетесь, я решу, будто моя жизнь гроша ломаного не стоит. Для меня это не такие уж великие расходы. К тому же, насколько я знаю, именитые мастера дерут в три шкуры

больше вашего. Так что берите и не думайте.

Делать было нечего — пришлось согласиться. Взамен Чу Вэй продиктовал свой номер телефона.

— Если у этой истории обнаружится продолжение, звони. Помогу без доплаты.

Тот, кто натравил на парня злобного духа, явно сведущ в тайных искусствах. Раз уж он взял столь щедрую плату, долг чести велел довести дело до конца.

В силу неопытности юноша даже не подозревал, что за раскрытие покушений такого рода маститые оккультисты запрашивают целые состояния.

Чу Ян с великой радостью занёс новый контакт в телефонную книгу. Он очень хотел накормить спасителя изысканным завтраком, но, получив очередной вежливый отказ, просто купил ему еды в дорогу и лично отвёз на вокзал.

Уже перед самым выходом на платформу Чу Вэй протянул спутнику пару бумажных листов.

— Возьми. Эти талисманы уберегут тебя от двух несчастий. И присмотришься к своему окружению. Кому-то ты сильно перешел дорогу.

Развернувшись, он растворился в толпе у турникетов.

Чу Ян растерянно посмотрел на зажатые в ладони желтые полоски. Прокрутив в голове слова юноши, он бережно спрятал обереги во внутренний карман пиджака.

Дорога пролетела незаметно — Чу Вэй сладко проспал весь путь под стук колес. У ворот школы он оказался лишь во втором часу дня.

Поскольку пропуск через главный вход осуществлялся строго по ученическим билетам, которых у него на руках ещё не было, юноша без долгих раздумий перемахнул через забор и дворами направился к общежитию.

Едва он переступил порог своей комнаты, как его обдало ледяным воздухом. Разгоряченное ходьбой тело тут же покрылось гусиной кожей.

«Надо же, умудрился выбить кондиционер... Этот столичный пижон нигде не пропадет», — мысленно усмехнулся Чу Вэй.

Но больше всего его поразило то, что на одной из коек, укутавшись в одеяло, мирно похрапывал Хуа Хайцзюнь.

Занятия уже вовсю шли, и этому бездельнику полагалось грызть гранит науки за партой, а не давить подушку в пустой комнате.

Чу Вэй бесцеремонно сдернул с соседа одеяло и звучно шлепнул его по плечу:

— Подъём! Ты почему не на уроках?

Тот лишь недовольно заворочался и уткнулся носом в матрас:

— Какая ещё учёба... Глаза слипаются, дай поспать...

«Неисправимый лодырь, — покачал головой Чу Вэй. — Дрыхнет средь бела дня».

Отыскав на тумбочке пульт, юноша нажал на кнопку отключения. Выставить температуру на семнадцать градусов и спать под зимним пуховиком — верх расточительства и глупости.

— Вставай, кому говорят! Время детское, а он подушку плющит.

Движимый чувством товарищеского долга, он снова бесцеремонно потряс соню за плечо.

Без бодрящего холода в комнате быстро стало душно. Наконец Хуа Хайцзюнь соизволил разлепить веки и со стоном принял вертикальное положение.

— Ты где вчера шлялся? — недовольно буркнул он, ероша гнездо на голове. — Я его тут караулю, а классная поёт, будто ты приболел и уехал домой. Свежо предание, да верится с трудом.

В конце концов, парень притащился в эту глушь исключительно ради того, чтобы присматривать за Чу Вэем, а тот умудрился испариться в первый же день их знакомства.

— Температура поднялась, пришлось отпроситься, — не моргнув и глазом, соврал Чу Вэй.

Сын столичного богача сладко зевнул и, лениво перебирая ногами, сполз со второго яруса кровати.

Судя по помятому виду соседа, тот вообще не покидал стен общежития с момента заселения. Напрашивался резонный вопрос: он сюда учиться приехал или на курорт?

— Зачем вообще сюда переводился, если на уроки не ходишь? Просидел бы дома с тем же успехом.

Из ванной донеслось приглушенное ворчание сквозь шум воды:

— Сдались мне эти уроки... Всё равно толку ноль. Отцовского наследства мне за глаза хватит до старости. Если бы не ты, ноги бы моей не было в этой дыре.

Последнюю фразу он пробормотал едва слышно, чисто под нос, наивно полагая, что сосед его не услышит. Но у Чу Вэя был феноменальный слух — он разобрал каждое слово до единого слога.

«Ради меня?» — мысленно переспросил себя юноша. Что это за новости?

Чу Вэй резко распахнул дверь ванной комнаты.

— Твою мать! — взвизгнул испуганный Хайцзюнь, судорожно натягивая спортивные штаны. — Ты чего вламываешься без спроса?!

— Что значит «ради меня»? — вперив в него требовательный взгляд, спросил Чу Вэй. — Мы с тобой отродясь знакомы не были.

Хайцзюню до смерти хотелось уединиться по нужде, но незваный гость возвышался на пороге каменной статуей, явно не собираясь уходить без ответа.

— Слышь, юный натуралист, может, выйдешь на минуту? Дай облегчиться сначала!

Окинув его бесстрастным взглядом с ног до головы, Чу Вэй хладнокровно заметил:

— Мы оба парни. Чего я там не видел?

Он выдержал паузу и с легким прищуром добавил:

— Или тебе есть что скрывать?

Этот выпад задел гордость избалованного наследника за живое.

— Скрывать? Мне?! — фыркнул Хайцзюнь. — Ну смотри тогда, раз такой смелый. Только потом не жалуйся!

С этими словами он демонстративно потянулся к ремню.

Разумеется, Чу Вэй просто брал его на слабо — созерцать чужие анатомические подробности в его планы не входило. Едва однокашник сделал характерное движение, юноша молниеносно захлопнул дверь прямо перед его носом.

— Сделаешь свои дела — выкладывай всё как есть, — донесся из-за закрытой двери спокойный голос. — Не расскажешь — останешься куковать там до вечера. Подпирать дверь я умею.

Хуа Хайцзюнь уныло уставился на глухую деревянную панель.

«Удружил дядя... Сплавил к какому-то дикарю».

<http://bllate.org/book/19040/1939458>